

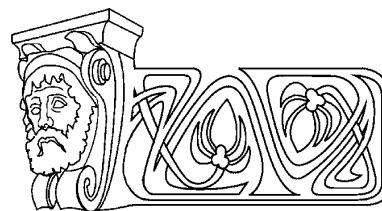

УДК 1(470)(09)+929 Ланц

ПРОБЛЕМА МОРАЛИ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Г. ЛАНЦА

О.А. Попова

Саратовский государственный университет
E-mail: popovaolga24@mail.ru

В статье рассматривается этическая составляющая философской концепции Генриха Ланца. Являясь представителем «младшего» поколения русского неокантианства, Ланц рассматривает проблему бессмертия как имеющую свое обоснование в этике и вкладывает в понятие бессмертия неокантианскую дуальность.

Ключевые слова: Ланц, неокантианство, этика, бессмертие, культура, наука, религия, дуальность, мораль.

The Problem of Morality in the Philosophical Conception of H. Lanz

O.A. Popova

In the article the ethical component of the philosophical concept of Henry Lanz is considered. Being the representative of the «young» generation of the Russian Neo-Kantianism, Lanz contemplates an immortality problem as a problem that has the substantiation in ethics and he incorporates Neo-Kantian duality into the concept of immortality.

Key words: Lanz, Neo-Kantianism, ethics, immortality, culture, science, religion, duality, morality.

Русское неокантианство стало важным философским направлением Серебряного века, формировавшимся в процессе интегрирования неокантианских идей в различные области русской культуры. Оно было представлено достаточно широким спектром русских мыслителей, в связи с чем философы, синтезировавшие в своем творчестве опыт русского философствования в западную неокантианскую традицию, заслуживают особого внимания. Одним из них по праву можно назвать Генриха Эрнестовича Ланца (1886–1945 гг.).

Философия Генриха Ланца, являясь отражением синтеза личностных, политических, экономических предпосылок формирования новой культурной эпохи, предопределяет в историко-философской ретроспективе многие пути философского знания XX–XXI вв. Однако в силу того, что работы Ланца были опубликованы в основном в периодических изданиях, может сложиться впечатление, что мыслитель не смог создать целостной философской концепции, ограничившись отдельными статьями на ту или

иную тему. Поэтому для доказательства цельности его философской концепции первоочередной исследовательской задачей становится аналитико-систематическое изучение его научных текстов. Обозначим здесь, по крайней мере, одно из возможных направлений в решении этого вопроса, обратившись к этическим представлениям Ланца и их особенностям.

В проблемном поле неокантианства этика, бесспорно, играла важную роль. Общую для многих русских мыслителей той эпохи проблему самостоятельности русской философской мысли и синтеза различных форм познания неокантианцы решали в этическом ключе. Таков, например, призыв Н. Грота к созданию «самостоятельной философии», в которой доминировала бы этика, идея добра в синтезе «цельного знания». Подобным образом русское неокантианство делало акцент на нравственном содержании мысли великого немецкого философа. При помощи этики неокантианцы пытались решить задачи синтеза различных философских систем, а также примирения противоречий между знанием и верой, наукой и искусством и т.д. Влияние неокантианцев на этику и традиции ее преподавания очевидны, однако этот вопрос в настоящее время еще малоизучен, хотя и представляет несомненный интерес в контексте современных проблем этического знания и педагогической деятельности.

С первой половины XIX в. российское неокантианство увлекалось больше исследованием метафизического идеализма Фихте, Шеллинга и Гегеля, преодолевших феноменализм Канта. В этом же ключе работал и Генрих Ланц, который только за один 1914 г. написал четыре статьи, посвященных немецкому гению, в журналы «Логос» и «Вопросы философии и психологии»¹. В «Фихтеане» реализовалась первая задача русского неокантианства.

кантианства, сформулированная Б.В. Яковенко, – задача по изучению источников философской мысли и написанию собственных трудов о мыслителях-классиках. Некоторые исследователи утверждают, что обращение русских неокантианцев к философии Фихте шло в русле «скрытой или явной полемики с ортодоксальной русской религиозно-православной философией» и «вполне определенной ориентации на некоторые идеи современной им западной философии»².

Одним из первых, кто наметил это исследовательское направление в русской «Неокантиане», был Б.П. Вышеславцев, вслед за Когеном рассматривавший взгляд Фихте на социальный вопрос как на вопрос этический. Ланц занимает в русской «Фихтеане» особое место и по количеству его статей и по обстоятельности его исследований. Он проводит подробный анализ биографии Фихте, связывая ее с проблемами, поднимаемыми философом, и особенностью их решения. Главным образом, в философии Фихте Ланц рассматривает проблему свободы, где, по его мнению, особенно важным представляется то обстоятельство, что идея моральной революции, совершенной Фихте, была заложена Кантом. Поэтому Фихте является кантианцем не только как завершитель и продолжатель теоретического воззрения Канта, не только потому, что «его исходный пункт, как обычно выражаются историки, лежит в трансцендентальной апперцепции», но преимущественно потому, что основа и цель его системы совпадают с кантовской. Обоснование этической свободы делает его «историческим преемником Канта»³.

Этический план своей философской концепции Г. Ланц раскрывает в статье «Вопросы и проблемы бессмертия», вышедшей в 1913 г. в журнале «Логос». В этой работе мыслитель обращается к трагедии современного человека, которая выражается в противоречии между его религиозно-этической и научно-логической сущностью. Философ считает, что данная проблема остра только для тех, кто отказался от ограниченности: будь то ограниченность в пользу науки или в пользу религии. Поэтому Ланц называет ее трагедией тех людей, «чья душа полна религиозных исканий и чей разум, однако, не мо-

жет отречься от истины»⁴. Особенно существенной эта проблема становится, когда рассматривается сквозь призму значения смерти и бессмертия для субъективного духа.

Трагедия культурного сознания, по мнению Ланца, скрыта в противоречии между истинной религией и логическим разумом и имеет глубокие корни: «...мистика всегда давала отрицательную оценку самому принципу объективного познания», в свою очередь, логика лишает истинную религию «самостоятельности для утверждения монархического абсолютизма “истины”»⁵. По сути, в данном положении выражается кантовское противоречие между законами теоретического и практического разума, нарушающими его единство. Ланц считает необходимым отойти от «жизненной ценности разума и от биологической извращенности мистики»⁶ и таким способом решить извечное противоречие, порождающее трагедию человека, – религиозное отчаяние, которое наступает в результате религиозно-логической борьбы, обнаруживаемой в антитезе Смерти и Бога. Только устранив ее, можно «спасти единство культурного сознания».

Причиной религиозного отчаяния Ланц называет трагическую волю человека – «волю к бессмертию». Для этого философ ставит под вопрос этичность и религиозность бессмертия. Автор считает потребностью культурного сознания отнять у бессмертия приписываемые ему этичность и ценность и попробовать оправдать смерть в ее этическом и религиозном, а не только физиологическом элементе.

Вслед за Кантом, полагавшим, что наше собственное Я дано нам во времени, неокантианец Ланц соотносит понятие бессмертия со временем: «Я – это маленькое обстоятельство в жизни мира, кусочек его бесконечной реальности. Если уничтожить... ту эпоху времени, которая меня окружает, то я потеряю самого себя, потеряю бесследно, без всякого субстанционального остатка»⁷. Я, таким образом, понимается Ланцем как отрезок времени, имеющий и начало и конец – отрезок бесконечной прямой: «...не только нелогично, но и противоречиво было бы принять бессмертие только для будущего, отказавшись от него в прошлом... Этого тре-

бует логика и диалектика бесконечности, которая не может примириться с бесконечностью однобокой, с такой уродливой бесконечностью, которая обладает одним концом...»⁸. Для того чтобы перевести тему в этический контекст, Ланц обосновывает необходимость существования понятия смерти через понятия бесконечности и процессуальности. Философ обосновывает необходимость существования понятия смерти, для того чтобы перевести тему в этический контекст.

Важно помнить, что Кант разделял Я, данное во времени, и Я как вещь саму по себе; то есть, Я как феномен отличается у Канта от Я как ноумена. Человек, таким образом, по Канту, представляется как житель двух миров: чувственно воспринимаемого, где он подчинен законам природы, т.е. пространственным и временным определениям, и сверхчувственного, где он свободно подчиняет себя умопостижаемому нравственному закону, над которым не властно время. Принцип мира природного гласит: никакое явление не может быть причиной самого себя, оно всегда имеет свою причину в другом (другом явлении) и тем самым подчинено ходу времени. Напротив, принцип мира свободы гласит: разумное существо есть цель сама по себе и может выступать в качестве свободно действующей причины – свободной воли, для которой не существует определения во времени. Сверхчувственный, умопостижимый мир Кант мыслит в качестве «совокупности разумных существ как вещей самих по себе»⁹. Как четко сформулировала П.П. Гайденко, «такое отделение оказалось необычайно важным именно потому, что оно только и может быть гарантом онтологической реальности мира свободы»¹⁰. Основывается оно на противоречии естественной необходимости и свободы, которое в философии неокантианства разовьется до противоречия природы и культуры соответственно.

Для Ланца принципиальным становится противоречие между личным бессмертием, которое есть, по сути, объективная ирония над самой жизнью, и этическим бессмертием, которое может проявляться в человеческой деятельности. Культуру Ланц называет системой «дел» – она, по мнению философа,

и является бессмертной: «Лишь в делах своих, в системе “дел” своих он [человек] имеет свое специфическое, человеческое бытие. “Дело” же всегда остается задачей, проблемой, идеей; оно по своему принципу, “по определению”, как говорят математики, не может исчезнуть и умереть в своем результате; ибо результат всегда есть новая задача, новое “дело”»¹¹. Таким образом, мысль Ланца о проблеме бессмертия абсолютно логично развивается в рамках философской системы Канта: философ говорит о невозможности бессмертия с точки зрения причинности как необходимости, то есть о нелогичности ее в природе, и в то же время он утверждает наличие бессмертия с точки зрения причинности как свободы, то есть возможности ее в культуре.

В культуре – царстве Свободы – нет безнравственности, смерти и зла: «Безнравственной деятельности нет, – говорит Ланц в своей статье «Свобода и сознание», – так как безнравственности вообще не существует; только потеря времени есть абсолютная безнравственность, в которую проваливаются все поступки, совершаемые по эгоистическим, чувственным побуждениям; они не оставляют никакого следа в жизни, не имеют будущего и потому абсолютно и бесследно исчезают... Зла нет; не в том софистическом смысле, что все злое является с какой-то высшей точки зрения добром, а в том, что оно не имеет жизни будущего, что оно питается только временностью и косностью»¹².

Кант выявляет априорные формы трех основных измерений деятельной сущности человека: совершенствование способности познания – интеллектуальное, способности желания доброй воли и деяния – этическое и эстетическое – способности вкуса. Человек как свободно действующее существо, таким образом, уже в такой перспективе собственной природной самоорганизации обладает априори трансцендентальной целью, заложенной в предельном основании человеческого разума – бесконечном стремлении познать, каким может стать человек в результате совершенствования собственных усилий свободной воли. Целевая причинность как телеологический принцип рассматривается в этом смысле не просто как причинно-

следственная связь, но как представление субъекта, имеющее основанием его свободу. «Лишь потому, что человек свободен, т.е. разумен и способен сам ставить себе цели и определять ими свое поведение, – лишь потому он способен мыслить организмы природы, произведения искусства и историю как целесообразные»¹³.

В этом смысле утверждать, что человек по природе своей есть существо практически трансцендентальное, т.е. как моральная сущность, значит дать определение человека как существа, действующего сообразно цели, существа, практически полагающего в своем действии разумную цель, раскрывающую модусы изначального идеального целеполагания, различающего практически добро и зло.

Этика Ланца также глубоко телеологична, поскольку, рассматривая смерть в данном контексте, философ заявляет, что логическая сущность добра конституируется целью, которая возможна только в деятельности, прогрессе и преодолении. Если же предположить, что в мире царствует бессмертие, то мораль перестает существовать, ибо не может быть добра там, где все бесконечно и однообразно, где нет работы: «единственная абсолютная безнравственность в мире есть косность, бездеятельность, пустая потеря времени»¹⁴. Таким образом, Ланц отрицает абсолютное добро, предполагающее отсутствие процессуальности и смерти человечества. Для него неприемлема буддийская этика как попытка преодоления смерти и предпочтительна протестантская этика как этика дела.

Проблема бессмертия для Ланца – это не онтологическая, а «чисто этическая проблема и потому строго философская, которая как таковая, свободна от всех мистически-религиозных верований»¹⁵. Более того, бытие вещи у философа обосновывается через ее предназначение. Истинное бытие вещь получает только в момент своей смерти, когда реализуется вся полнота ее назначений. Говоря о человеке, Ланц подчеркивает, что его этико-телеологическое настоящее всегда строится исходя из будущего. Если лишить человека будущего, вырвать его из исторического контекста, то он перестает быть личностью, а становится лишь биологической единицей.

Подводя итог сказанному, необходимо обратить внимание на то, что логика рассмотрения проблемы бессмертия Ланца встраивается в логику неокантианскую, которая в отечественной философии до него была представлена достаточно слабо, ибо исследователи проблемы бессмертия опирались на идеи либо сциентистского, либо религиозного толка. В данном случае важно отметить, что Ланц вкладывает в понятие бессмертия неокантианскую дуальность. В связи с этим неоспоримым выводом является необходимость более подробного изучения данной проблематики в отечественной философской традиции.

Работа выполнена при финансовой поддержке аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.). Проект №2.1.3/6499.

Примечания

¹ См.: Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122, № 2. С.227–282; Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122. С.65–119; Памяти Фихте // Русская мысль. 1914. Кн.6. С.42–51; Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. 1914. Т.1, вып.1. С.1–23.

² Философия Фихте в России / Ред.-сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

³ Ланц Г.Э. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте). С.4.

⁴ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия // Логос. 1913. Кн.3, №4. С.250.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.250–251.

⁷ Там же. С.253.

⁸ Там же.

⁹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т.4, ч.1. М., 1965. С.304.

¹⁰ Гайденко П.П. Кант о природе времени, о вневременности ноуменов и о бессмертии души // Иммануил Кант: наследие и проект / Под ред. В.С. Степина, Н.В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С.178.

¹¹ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия. С.260.

¹² Ланц Г.Э. Свобода и сознание. С.20–21.

¹³ Чернов С.А. Телеология свободы // Кантовский сборник. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 1993. Вып.17. С.24.

¹⁴ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия. С.256.

¹⁵ Там же. С.260.